

РЕЦЕНЗИИ

Р.В. Светлов, Д.С. Курдыбайло, А.С. Степанова и др. Академический скептицизм.

Античные исследования. СПб.: Изд-во РХГА, 2022

Для цитирования: Мочалова, И.Н. Рецензия на книгу *Академический скептицизм, Р.В. Светлов, Д.С. Курдыбайло, А.С. Степанова и др. Историко-философский ежегодник 38 (2023): 401–409.*

For citation: Mochalova, Irina N. Review of *Academic Skepticism, Roman V. Svetlov, Dmitry S. Kurdybaylo, Anna S. Stepanova et al. History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik 38 (2023): 401–409.* (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 07.07.2023

Принята к публикации / Accepted: 08.08.2023

2022 г. – это год, завершающий юбилейное десятилетие: Академии Платона – 2400 лет¹. И именно в этом году в Санкт-Петербургском издательстве Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского в серии «Античные исследования» выходят две книги, посвященные Платоновской

¹ Точная дата основания Платоном Академии неизвестна, принято считать, что это произошло не раньше 387 г. до. н.э.

Академии: «Философская история Платоновской Академии»² и «Академический скептицизм». Безусловно, это знаковое событие, говорящее об интересе не только к платонизму, но и к той институции, которая обеспечила ему существование на протяжении всей античной (и не только античной) культуры. Обсуждение проблемы непрерывности и единства академической традиции началось уже в античности и продолжается сегодня; один из значимых аспектов дискуссии – значение в истории Академии скептического поворота, так называемой «революции» Аркесилая. Ответы на вопросы о том, что такое академический скептицизм, как он связан с традицией платонизма и какую роль играет в культуре эллинизма, дает предпринятое петербургскими учеными исследование, итогом которого стала рецензируемая коллективная монография «Академический скептицизм». Как первая в России специальная работа, посвященная академическому скептицизму, она заслуживает внимания и обсуждения.

В первой главе монографии «Скептик ли Платон? Проблема происхождения и истории скептицизма» обсуждается проблема так называемого «скептического поворота» Академии, связанного с деятельностью Аркесилая из Питаны (315–241 гг. до н.э.), возглавившего школу в середине 70-х гг. до н.э. Исследователями было выдвинуто несколько гипотез, объясняющих причины реформы, предпринятой Аркесилаем. Согласно одной, к отказу от академического догматизма Аркесилая привела прежде всего борьба за интеллектуальное влияние с Зеноном Китийским, видевшим себя в качестве подлинного наследника всей предшествующей философии, включая академический платонизм. В частности, по мнению Дж. Диллона, в противостоянии с Зеноном у Аркесилая был единственный выход – «предпринять широкомасштабную атаку на концепцию всякой догматической очевидности»³. Другие исследователи

² Е.В. Афонасин, А.С. Афонасина, Джон Диллон. *Философская история Платоновской Академии. Тексты и исследования* (СПб.: Издательство РХГА, 2022).

³ Джон Диллон, *Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н.э.)*, пер. с англ. Е.В. Афонасина (СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005), 267. Ср. гипотезу Г. Тарранта, рассматривающего

связывают академический скептицизм с апоритическими текстами самого Платона. Как считает автор трех параграфов первой главы Р.В. Светлов, интеллектуальное соперничество – лишь контекст; основная причина может быть найдена в скептическом ресурсе самого платоновского наследия.

Выявление «скептического потенциала» философии Платона прежде всего предпринимается в первом параграфе «*Скептицизм и пределы рациональности в философии Платона*». Поиск текстов Платона, которые могли бы стать стимулом для формирования скептических представлений, и в частности принципа «эпохе», который является важнейшим методическим «маркером» скептицизма, приводят Р.В. Светлова к анализу богатой семантики слова «δύναμις». Анализируя различные контексты, автор приходит к выводу, что «δύναμις» «как нельзя лучше подходит для обозначения того, что связано с различными типами иррациональности, обуславливающими наше мышление» (с. 18). Присутствие иррациональности в платоновском дискурсе ограничивает притязания разума, выявляя предметы, которые противятся любой однозначности (например, проблема несоизмеримости бытия в «Софисте» и ее отражение в «Теэтете»), а значит, становится основанием для будущего «скептического поворота».

Демонстрация предпосылок скептического прочтения наследия Платона представлена и во втором параграфе главы «*Скептицизм Юма и “скептицизм” Платона*» (С.В. Светлов, Ф.Ф. Корочкин). Авторы детально анализируют известный платоновский аргумент от господина и раба («Парменид», 133c–d) и, показав определенное сходство метода анализа причинности у Платона и Юма, раскрывают исторические формы техники скепсиса.

В заключительном параграфе «*Риторика и скепсис*» Р.В. Светлов проблематизирует связь «техник» риторики и ака-

скептический поворот как полемическую конструкцию Антиоха: Harold Tarrant. «One Academy? The Transition from Polemo and Crates to Arcesilaus», in Paul Kalligas, Chloe Balla, Effie Baziotopoulou-Valavani & Vassilis Karasmanis. *Plato's Academy. Its Working and Its History* (Cambridge: Cambridge University Press, 2020), 200–219.

демического скепсиса. Он показывает, что процедура прений необходимым образом приводит слушателей к точке методического незнания, близкого методическому незнанию, которое мы видим и у платоновского Сократа, и у скептика времени Средней академии.

Вторая глава «Антиох Аскалонский и Новая академия: между Платоном, стоиками и Цицероном» (А.С. Степанова) представляет собой обширное исследование различных философских традиций эллинизма. Знакомство с почти тридцати-страничным текстом, к сожалению, не позволяет однозначно ответить на вопрос об основной цели предпринятого исследования и понять место раздела в общей структуре монографии. Выбор фигуры Антиоха в исследовании академического скептицизма мог быть значим как обращение к нему как к критику скепсиса Карнеада и Филона из Ларисы; однако, думается, пафос текста в другом: на основании анализа сохранившихся свидетельств показать особенности платонизма Антиоха, ратовавшего за преемственность с древней Академией, непрерывность традиции и единство учения. А.С. Степанова приходит к выводу, что Антиох оказывается посредником в «творческом развитии и трансляции философской мысли, с пристальным вниманием к стоикам» (с. 61). Таким образом, эту главу можно рассматривать как актуализацию контекста, в котором в конце II – первой половине I в. до н.э. существовал скептический дискурс.

Таковую же роль играет текст **третьей главы** монографии «**Элементы скептицизма, пессимизма и оптимизма и их баланс в библейской литературе премудрости**» (И.Р. Тантлевский). Предпринятый сравнительный анализ античного скептицизма и древнеближневосточной традиции (на примере Книг Кохэлета (Экклесиаста)) позволяет раскрыть возможные особенности «скептических» рассуждений, итогом которых оказываются весьма оптимистичные выводы.

Авторы **четвертой главы** «**Академическая эпистемология и современная полемика об определении знания и границах науки**» (Р.В. Светлов, С.В. Слободковский) рассматривают скептическую традицию в контексте проблемного поля современной философии науки.

На основании анализа четырех основных положений, выдвинутых академиками (Сic. *Acad.II*. XXVI.82) и составляющих фундамент скептической эпистемологии, авторы первого параграфа раскрывают особенности критики скептиками стоической гносеологии, и прежде всего концепта «постигающего представления» (φαντασία καταληπτική), при наличии которого автоматически возникает «согласие» (συγκατάθεσις). Демонстрируя уязвимость стоической «каталепсии», академики отказывались от претензии на окончательное и достоверное знание, полагая возможность действовать, опираясь на «убедительное (πιθανόν) впечатление». Авторы показывают, что основания академической критики типологически близки принципу «фальсифицируемости» К. Поппера, что особенно очевидно в рамках применимости обоих принципов в области общественно-правовых отношений. На примере политической деятельности и юридической практики Цицерона демонстрируется как сходство основных принципов, так и фундаментальные различия во взглядах Цицерона и Поппера, связанные с прогрессистскими установками последнего.

Анализ полемики между скептиками и стоиками по поводу постигающего представления, ставшей стимулом для развития скептической методологии, в следующем параграфе главы продолжает Р.В. Светлов. Он показывает, что в отличие от стоиков, как и от эпикурейцев, для скептиков «очевидность» не является признаком истинности, она лишь свидетельствует в пользу убедительности вероятного. Невозможность для скептиков заменить «я уверен» на «я знаю» означает, что должно опираться на стратегии практической деятельности и практического выбора, а не на умозрительно-аподиктически выведенную реальность. Обсуждение в параграфе определения знания в «Теэте» как правильного мнения (убеждения) с объяснением показывает, что несмотря на радикальную перемену угла зрения на природу познавательных процессов, скептицизм, который является продуктом Академии Платона, сохраняет свою ключевую роль для эпистемологических проектов эмпирически ориентированной философии и философии науки.

Пятая глава «Академический скептицизм в Риме» посвящена фигуре Цицерона. В первом параграфе Д.А. Федоров

на основе анализа основных идейных влияний, определивших мировоззренческие установки Цицерона, приходит к выводу, что, с определенными оговорками, социальную философию Цицерона можно рассматривать как направление в рамках академического скептицизма (с. 104). В следующем параграфе Д.А. Федоров конкретизирует свой вывод в ходе анализа в текстах Цицерона свидетельств о пропагандистско-просветительской деятельности «философского посольства» в Рим под руководством главы Новой Академии Карнеада. Особое внимание уделяется интерпретации Цицероном текста не дошедшей до нас знаменитой речи Карнеада «Против справедливости», нашедшей отражение в частично сохранившейся третьей книге трактата *De Re Publica*. Цицерон, стремясь популяризировать характерный для скептиков методологический принцип философствования, актуализирует тезисы Карнеада, приспособлявая их к реалиям кризиса поздней Римской Республики и собственным прагматическим целям.

Третий параграф раздела представляет оригинальную попытку С.В. Слободковского прочитать один из сюжетов троянской войны (падение Трои) в изложении Вергилия (*Энеида*, кн. II), используя методологию скептиков, делая акцент на учете вероятности того или иного события. Предложенная интерпретация достаточно спорна, но показывает возможности применения скептической методологии.

Завершающая **шестая глава «Августин и неоплатоники против Аркесилая и Карнеада. Скептицизм в поздней Академии»** представляет рецепцию академического скептицизма в трудах христианских неоплатоников IV–VI вв.

В первом параграфе представлено интересное и глубокое исследование Д.С. Курдыбайло (в соавторстве с П.А. Васиневой) трактата Августина Аврелия «Против академиков». Авторы фокусируют внимание на методе познания истины, как его понимают Августин и критикуемые им скептики. Ключевое различие в познании истины состоит в том, что для Августина истина и мудрость предметны, они рассматриваются либо как знание, относящееся к чувственно воспринимаемым вещам, либо как предмет умозрения, находящийся вне созерцающего ума или души. Знание о чувственно воспринимаемом для

скептиков априорно не может быть истинным, а то, что Августин относит к умопостигаемой истине, выступает у них не предметом, а методом познания. Принципиальная беспредметность скептической истины не рефлексивируется Августином. Скептическому образу мысли Августин противопоставляет платоническую традицию, вершиной развития которой он считает философию Плотина. Однако, как показывают авторы, понимание Плотинем мудрости и путей ее познания существенно различается с тем, что описывает Августин, и в некоторых частностях больше сходится со скептической моделью. Отношение к иррациональному или сверхрациональному постижению, онтологическая автономия человеческой души и отказ от предметного понимания мудрости присущи и Плотину, и скептикам, что существенно отличается от рационалистической позиции Августина.

Во втором параграфе главы Д.С. Курдыбайло и И.Р. Тантлевский обращаются к александрийским неоплатоникам V–VI вв. н.э., в многочисленных комментариях которых на трактаты Аристотеля содержится ряд свидетельств об античном скептицизме. Несмотря на краткость свидетельств, предпринятый авторами анализ структуры критических пассажей неоплатонических комментариев и выбор обсуждаемых тем позволяет увидеть стремление александрийских комментаторов защитить Платона от обвинения в приверженности к скептицизму, известного еще со времен среднего платонизма. Авторы показывают, что неоплатоническая критика прежде всего касается дуализма материальных предметов и рациональной души человека. Поскольку этот дуализм принимается скептиками в виде, очень сходном с тем, как он понимался в школьном платонизме, александрийцы прикладывают заметные усилия, чтобы различить скептическую и платоническую версии метафизического дуализма.

Логичным продолжением главы можно считать **Приложение** свидетельств о скептической Академии в трудах раннехристианских грекоязычных писателей с комментариями Д.С. Курдыбайло. Не ставя задачи представить полное собрание фрагментов, Курдыбайло дает характеристику свидетельствам Климента Александрийского, связывающего скептическое учение

с именами Аркесилая и Карнеада, прежде всего обращая внимание на преемство глав Академии. Следующий автор, кратко упоминающий скептиков, – Евсевий Кесарийский. В 14-й книге «Евангельского приготовления» Евсевий передает содержание трактата Нумения из Апомеи «О неверности Академии Платону», в котором представлена история Аркесилая, Лакида и Карнеада в изложении, сравнимом по объему и детализации с Диогеном Лаэртским. И хотя фрагменты и свидетельства Нумения переведены на русский язык Е.В. и А.С. Афонасиными, несколько раз переиздавались и комментировались⁴, анализ Д.С. Курдыбайло представляется ценным, дополняющим предыдущие комментарии.

Подводя итоги краткому обзору коллективного труда, можно сказать, что авторам несомненно удалось раскрыть во многом новое для отечественных читателей исследовательское пространство академического скептицизма, показав и его актуальность для более адекватного понимания истории академической философии, и востребованность в рамках современных эпистемологических проблем. Хочется надеяться, что исследование будет продолжено. Хорошим дополнением может стать очерк истории академического скептицизма с отдельными параграфами, посвященными главным его представителям – Аркесилаю, Карнеаду, Филону из Ларисы (его отсутствие в рецензируемом издании затрудняет понимание ряда поднимаемых проблем); недостает работе и анализа уже существующих исследовательских традиций, и единого библиографического указателя. Содержательное единство коллективного труда, к сожалению, не дополняется единством формальным: авторы различным образом оформляют справочный и библиографический материал, нет единства чтения имен западных исследователей, странное

⁴ Первая публикация перевода: «Нумений из Апомеи. Фрагменты и свидетельства», пер. и коммент. Е.В. Афонасина и А.С. Кузнецовой (А.С. Афонасиной), *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция* 3.1 (2007), 65–134. Ср.: «Нумений. О неверности Академии Платону (Фрагменты)», в Е.В. Афонасин, А.С. Афонасина, Джон Диллон. *Философская история Платоновской Академии. Тексты и исследования* (СПб.: Издательство РХГА, 2022), 67–85.

впечатление производит последний параграф шестой главы, опубликованный на английском языке. Эти недостатки, к сожалению, несколько портят в целом, безусловно, положительное впечатление от проделанной исследователями работы.

Свой труд авторский коллектив посвятил памяти коллеги, Тимофея Викторовича Антонова (1972–2018). Он одним из первых среди отечественных историков античной философии начал заниматься проблемами академического скептицизма, привлекая внимание к исследованиям не только Древней, но и Новой Академии. Спустя десятилетие эта работа продолжена и, надеюсь, будет продолжаться.

И.Н. Мочалова

Институт философии СПбГУ
199034, Менделеевская линия, д. 5, г. Санкт-Петербург, Россия
mochalova@yandex.ru